

Разрешение трагической коллизии между счастливым жребием, достойным прекрасной души Саши, и мрачной существенностью ее реальной жизни Жуковский находит в своей романтической «философии Лалла Рук». «Кто Вас знает, тому знаком и *гений чистой красоты!*» — писал он в 1821 г. к Воейковой, разъясняя значение заключительных строк своего программного стихотворения „Лалла Рук“. — С кем вы были, для того зажглась навсегда прекрасная утешительная звезда, и эта звезда никогда не утратит своего милого блеска» [34, т. I, с. 111]. Саша Воейкова, некогда олицетворявшая для поэта земную радость («жизнь и счастье — одно», «чувство жизни»), как бы переносится на небо: она та же звезда, своим веселым и ласковым светом озаряющая мрачную земную жизнь, напоминающая о «милом прошлом» и указывающая путь к жизни вечной.

В письме к А. И. Тургеневу от 8 февраля 1821 г. Жуковский дает образу Светланы уже религиозно-мистическое толкование: «Лалла Рук — синоним Саши. В первый раз, когда я был у Гуфланда, был между нами разговор о религии. Он набожен в сердце!.. Он мне сказал „все, что религия представляет святого, *троицей* заключено для меня в одном немецком *L: Leben, Liebe, Licht!* Тут весь Бог и весь человек в отношении к Богу». Эти три *L* нашлись сами собой и в имени *Lallah Rookh*» (см. [40, т. I, с. 384]). *Эти три «L» (то есть Жизнь, Любовь, Свет) обнаруживаются «сами собой» и в названии поэмы Мильтона «L'Allegro».*

Смертельная болезнь Саши еще более убеждает Жуковского в том, что его «милый Ангел» слишком чист и прекрасен для этого мира, что он принадлежит миру иному, откуда явился на землю мимолетным видением прекрасного.

Смерть А. А. Воейковой в Ливорно в 1829 г. оказывается тем рубежом, за который необходимо было перейти веселой Саше, чтобы стать символом с неизменным и полностью не выразимым значением. С ее образом произошло то же, что и с образами Лауры и Беатриче: он постепенно «перерос» конкретные, чисто биографические, значения, освободился от земных оков и в конце концов стал знаком-воплощением важнейшей для поэта религиозно-мистической идеи.

В письмах к родным и друзьям Саши Жуковский постоянно подчеркивал, что она встретила смерть «без ропота, без страха, с *светлою, веселою душою*» [32, т. I, с. 260]. «Мысль о ней (то есть о смерти Саши, *И. В.*) — писал он К. К. Зейдлицу в 1829 г., — возбуждает в сердце все, что есть прекрасного в жизни: какая-то чистая музыка слышится, когда переносишься воображением в эту минуту. Для меня теперь все прекрасное будет *синонимом смерти*» (см. [11, с. 67]). Если раньше, в «муратовскую пору», образ веселой Саши ассоциировался с радостями жизни, то с 1829 г. он связывается поэтом с идеей прекрасной смерти, освобождающей душу от страданий и приближающей ее к истинной *отчизне радости*. По мысли поэта, душа «Светланы» возвратилась в соприродный ей светлый и веселый мир, и память о ней — залог того, что прекрасное было в его жизни и *осталось* в душе, обещаая ей встречу *там*. Отныне Саша для него — небесный ангел, озаряющий мистическим *тихим светом* его унылую земную жизнь.

Однако трагизм положения поэта заключается в том, что Саша возвращается лишь в воспоминании, в фантазии, и возвращается на какое-то одно мгновенье, которое, озарив унылую жизнь, исчезнет. Остается тягостное чувство утраты и собственного одиночества. Иными словами, черной меланхолии в сознании Жуковского противостоит не чистая радость, но *радость грустная*, говорящая поэту о том, что «прекрасное здесь не дома, что оно только мимо пролетающий благовеститель лучшего», «восхитительная тоска по отчизне, темная память об утраченном, искомом и со временем достижимом Эдеме»¹⁰ [6, с. 331]. *Борьба этого «минутного» радостно-печального чувства с «долгим» беспросветным*

¹⁰ Приведенное высказывание из «философии Лаллы Рук» в 1821 г. адресовалось поэтом Саше Воейковой (см. [41, с. 662]).